

Отзыв

на диссертацию Кришталя Михаила Игоревича
«Электоральное пространство Калининградской области
в системе социально-политических отношений»
на соискание ученой степени кандидата географических наук
по специальности 25.00.24 – Экономическая, социальная, политическая и
рекреационная география

Диссертация М.И. Кришталя решает традиционные для электоральной географии задачи: определить устойчивые ареалы голосования за различные политические силы и затем объяснить такое распределение через их связь с социально-экономическими показателями, используя при этом количественные методы статистического анализа и привычный набор теоретических пространственных моделей, в частности, популярной у исследователей «центр-периферийной».

Актуальность проведенного исследования автор обосновывает тем, что анализ такого типа для Калининградской области не проводился с рубежа 1990-х – 2000-х годов, при том, что последующие полтора десятилетия значительно отличались от предыдущих по экономическим и политическим условиям, из-за чего электоральная география территории могла существенно измениться. Новизну проведенного анализа автор видит в примененном в работе способе группировки партий: не по идеологическим признакам, а по сходству географической базы поддержки. Оба этих тезиса представляются мне (с рядом оговорок, см. ниже) обоснованными.

Основные цели, поставленные в работе, достигнуты. Работа выполнена самостоятельно, построена в целом логично и последовательно. Из текста диссертации понятно, что автор владеет литературой по своей теме и прикладными навыками анализа в объеме, достаточном для решения типичных исследовательских задач в области электоральной географии. Сказанное выше позволяет мне сделать вывод, что в целом работа соответствует требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям в выбранной исследовательской области.

Перечисленные дальше замечания к работе делятся на две группы. Первые относятся к собственным просчетам автора (формулировка темы, техника статистического анализа, неточности терминологии), вторые кажутся мне типичными для значительной части отечественных работ по электоральной географии. Это, в частности, акцент на устойчивости в ущерб динамике, эклектическое смешение «районных» и «цент-периферийных» концепций, «круговые доказательства» при определении «инновационных» партий по факту их

поддержки в «центре», вольное обращение с терминологией социетальных расколов и др. Замечания второго типа правильнее будет считать полемикой со сложившимся стилем «основного течения» электорально-географических исследований, а не квалификационными претензиями конкретно к диссертанту, который ожидаемым образом усвоил и воспроизводит характерные черты предшествующих работ.

1. В формулировке темы диссертации первая ее часть («электоральное пространство Калининградской области») точно соответствует предмету исследования, а вторая («... в системе социально-политических отношений») наоборот, отсылает к сюжету, который в работе практически никак не разбирается. Узнать, что представляет из себя «система социально-политических отношений» и каким образом она включает в себя электоральное пространство, из текста диссертации нельзя. И наоборот, в названии, на мой взгляд, пропущены необходимые уточнения, из них самое напрашивающееся – относительно периода (2003 – 2016 годы).

2. Определяя «электоральное пространство», диссертант неоднократно называет его характерной чертой устойчивость, стабильность: электоральное пространство это «устойчивые во временном и географическом аспекте электоральные явления... на определенной территории» (с. 3; с. 34); «явления в данном случае это стабильная специфика электоральных предпочтений» (с. 56). Такое решение допустимо, но тем самым автор резко сужает для себя возможности увидеть и объяснить хоть что-нибудь связанное с динамикой и трансформацией.

Так и получилось. На уровне общих пожеланий автор советует использовать понятие электорального пространства, «не отрывая его от постоянно меняющейся экономической и политической ситуации» (с. 32-33), говорит, что использование длинного ряда данных позволяет «проследить трансформацию районирования, устойчивость или нестабильность электоральных явлений» (с. 37). При этом, однако, заданная теоретическая схема заставляет автора видеть устойчивость и только устойчивость даже в самых драматических переменах.

Финальным выводом диссертации можно считать тезис, что разработанная автором типология для 2003 – 2016 годов «обладает многими сходствами с типологией предшествующего периода»: как и раньше, в «центре» голосуют за «модернистские» партии, а «периферия» поддерживает «традиционалистские» (с. 110). Делая такой вывод, автор сам тут же фиксирует, что и для «центра», и для «периферии», партийные симпатии вообще-то серьезно поменялись. Признаком «модернистского» голосования в 1990-е годы была поддержка либеральных реформаторских партий, в 2000-е таким же отличительным признаком стала поддержка КПРФ, их главного оппонента в предшествующий период (там же).

Признаком «периферийного» голосования в 1990-е годы была поддержка КПРФ и ЛДПР, в 2000-е годы таким признаком стала поддержка «Единой России», их основного политического соперника. Если бы не жесткая установка видеть только устойчивость и преемственность, можно было бы сказать, что география поддержки основных партий поменялась чуть ли не «с точностью до наоборот». В эмпирическом описании автор честно отмечает большие сдвиги, показывая, как поддержка КПРФ переместилась из «традиционалистских» районов в «модернистские» (с. 45-46), как трансформировались электоральные предпочтения в Балтийском районе и Светлом (от «демократов» к «коммунистам»), а также в сельских районах (с. 56, 86, 92) – но в изначально заданное определение электорального пространства как обязательно стабильного такие изменения, сколько бы их ни было, все равно будут восприниматься чем-то неважным.

В пользу диссертанта надо сказать, что эпизодически он пытается нащупать объяснение для произошедших сдвигов. Автор, в частности, вводит понятие «роли политической силы», которая может меняться с течением времени (с. 45-46, 72): так, изменилась «роль в политической системе» для КПРФ, которая в 1990-е годы была представителем «одного из идеологических направлений», а в 2000-е стала «главной оппозиционной партией» (с. 72), и тогда же голосование за КПРФ перестало быть «проявлением консерватизма» (с. 46). Содержательно я готов согласиться с таким объяснением (больше того, в своих текстах 2005-2008 годов я описывал эту тему в похожих терминах), но проблема в том, что в общей логике диссертации они выглядят, скорее, попутными решениями *ad hoc*, не вписанными как следует в теоретическую концепцию автора.

3. Новой и сильной стороной своего метода диссертант называет процедуру группировки («кластеризации») партий по признаку сходства географии поддержки («районирования»), в отличие от многих других работ, где партии группируются по идеологическому признаку (с. 34-35, 37, 53-54). Здесь я во многом согласен и с критикой автором предшествующих работ, и с предложенной альтернативой, но необходимо отметить также ограничения и искажения, следующие из такого подхода.

Из методических пояснений диссертанта следует, что он предлагает сначала «анализ географической специфики» поддержки партий, а затем для партий с похожей общей географической базой искать «общие признаки» политического характера (с. 35). Подобная задача (найти идеологическое сходство), в свою очередь, основана на догадке, что «предположительно... схожее электоральное районирование [так автор называет географическое распределение поддержки] обозначает, что избиратели, голосуя за них, преследуют схожие мотивы» (с. 54).

Сложность в том, что в качестве общего правила такая догадка неверна, и возможны случаи, когда похожую географию поддержки имеют, в определенном масштабе, партии с противоположными политическими позициями (широко известный пример – большевики и кадеты на выборах в Учредительное собрание 1917 года).

В итоге диссертант приходит к такому же выводу: обнаружены «сходства в территориальном поведении политических сил, относящихся к разным фрагментам идеологического спектра» (с. 112; выносимое на защиту положение 1), корреляционный анализ показал «отсутствие полной взаимосвязи между схожим электоральным районированием и общей идеологической составляющей» (с. 67), «географические расколы голосования происходят вне зависимости от идеологической составляющей. Политиков с [географически схожим голосованием], зачастую не объединяют общие идеологические ценности» (с. 66). Расчеты автора показывают, что в областном центре и прилегающих районах поддержкой пользуется «широкий спектр» (с. 70) партий и политиков, как левых (КПРФ, «Родина», Зюганов, Глазьев), так и либеральных («Яблоко», СПС, Партия роста, Хакамада, Прохоров). С точки зрения упоминаемой диссертантом (с. 15) концепции Г. Китчельта, в «приморском» электоральном районе получают поддержку партии, которые занимают противоположные позиции в базовом посткоммунистическом расколе «рыночные либералы vs авторитарные посткоммунисты».

Ключевую проблему, как объяснить совпадение баз поддержки партий с противоположными (или просто очень разными) политическими взглядами, диссертант обходит, называя все партии с поддержкой в «центре» – «модернистскими», а все партии с поддержкой «периферии» – «традиционалистскими». Такое решение плохо сразу по нескольким причинам. Во-первых, как я уже говорил, в такой модели даже при самых драматических сдвигах в географии голосования, таких, как превращение КПРФ из «сельской» партии в «городскую», мы все равно вынуждены делать вывод, что «ничего не произошло». Во-вторых, получается, по сути, круговая аргументация: это «центр», потому что здесь поддерживают «модернистские» партии, а партии считаем «модернистскими», потому что их поддерживает «центр». В-третьих, полученное таким образом деление партий на «модернистские» и «традиционалистские» оказывается спорным с точки зрения содержательной характеристики партий: например, что «Единая Россия» это «традиционалистская» партия, а КПРФ «модернистская».

На мой взгляд, было бы корректнее называть полученные типы по лежащим в их основе географическим признакам («центральные» и «периферийные» или «городские» и «сельские»).

4. Диссертант видит теоретическую значимость своей работы в «подтверждении применимости модели «центр – периферия» к анализу электорального пространства Калининградской области» (с. 6 автореферата). По моей оценке, в гораздо большей степени работа продемонстрировала сложности и поломки, которые нередко получаются при использовании модели «центр – периферия» (и в этот момент действительно может иметь теоретическую ценность).

Прежде всего, диссертант справедливо называет характерной чертой географической модели «центр – периферия» ее стремление «рассматривать любой процесс в территориальной динамике» (с. 7), определять «центр» в связи с возникновением и распространением инноваций (с. 30). При этом, однако, в собственном анализе диссертанта эта динамическая составляющая модели «центр – периферия» полностью заблокирована. Автор, как я уже отмечал, ищет не динамику, а устойчивое электоральное пространство, и даже собственные наблюдения о серьезных сдвигах в географии поддержки политических сил в области парирует итоговым аргументом, что всё равно, как и прежде, «центр выбирает модернистские партии, а периферия традиционалистские».

Парадоксальным образом получилось, что модель «инновационного центра» и «консервативной периферии», которая была призвана подчеркивать моменты динамики и новизны, в очередной раз используется для того, чтобы, наоборот, все наблюдаемые изменения объявить незначимыми и вынести за скобки. Показательно также, что автор регулярно обращается к терминологическому языку «районов», «территориальных сообществ» и «культур», который исходит из совсем других представлений – об относительно замкнутых автономных единицах со своими устойчивыми характеристиками (подобная аксиоматика «устойчивых культур» почти во всем противоположна динамической модели «центр – периферия»).

Собранные автором эмпирические данные действительно можно было бы, при желании, попытаться интерпретировать в логике распространения инноваций (например, попытаться доказать, что поддержка «партии власти» представляет собой «инновацию, которая достигла периферии», или что КПРФ 2000-х годов представляет собой инновацию по сравнению с КПРФ 1990-х), но автору такие попытки совершенно чужды.

5. Теоретической и методической основой работы диссертант называет социологический, социально-психологический и экономический подходы (в ходе анализа к ним прибавляется географический). В этой части автор, скорее всего, следует статье Г.В. Голосова «Поведение избирателей в России: теоретические перспективы и результаты региональных выборов» («Полис» N 4, 1997, есть в списке литературы). Диссертант, безусловно, имеет право на такое концептуальное

заимствование (хотя ссылки надо ставить аккуратнее), содержательная претензия в другом: способ, которым автор использует эти три-четыре теоретических модели, существенно хуже, чем в исходной статье. В исследовании Г.В. Голосова они использовались для строгой количественной оценки относительной значимости каждого из факторов (социальной принадлежности, партийной идентификации, экономического благополучия). В диссертации оценки такого рода заменены общими умозрительными рассуждениями о применимости каждой из моделей к условиям Калининградской области, а затем обещанием создать «комбинированный подход», объединяющий все перечисленные (на практике получилось просто поочередное обращение к каждому из факторов по отдельности). С точки зрения строгости и доказательной силы такой подход намного слабее. С его помощью можно утверждать, что перечисленные факторы, скорее всего, действительно важны для электоральной географии области, но уже не получается оценить относительное влияние каждого из факторов по сравнению с остальными.

6. С точки зрения квалификационной оценки диссертации главная ее слабость – слишком скудный набор количественных методов, которые автор готов использовать для решения своих задач. Для электоральной географии с ее заметным количественным уклоном это существенный недостаток.

Из текста следует, что автор знает и использует две техники количественного анализа: коэффициент вариации и коэффициент корреляции. (Третий количественный показатель, упоминаемый в работе, индекс волатильности Педерсена, объясняется неправильно: этот индекс относится не к отдельным партиям, а ко всему набору партий на определенных выборах, и при этом, вопреки мнению диссертанта, хорошо приспособлен к случаям, когда состав партий от выборов к выборам меняется.) Расширение арсенала методов хотя бы до стандартного набора, включающего кластерный, факторный и регрессионный анализ, явно пошло бы на пользу сразу в нескольких ключевых для автора сюжетах:

6.1 Кластеризацию партий и кандидатов по признаку сходства/различия географии поддержки автор проводит вручную на основе матрицы парных корреляций. Точно так же вручную автор составляет итоговую группировку районов по электоральным предпочтениям (с. 103). Так тоже можно в крайних случаях, когда под руками только калькулятор и карандаш, но вообще такие задачи привычно решаются различными методиками кластерного анализа (пример дает составленная Т.Ю. Кузнецовой социально-экономическая типология городов и районов Калининградской области, которую автор использует в третьей главе).

6.2 Выделяемые автором «общности, расколы и обособленности» (параграфы 2.4, 3.2), «линии наиболее значительных географических расколов» (стр. 67),

«проявления типа голосования на выборах» (параграфы 2.4, 3.4) проще и надежнее было бы получить методом факторного анализа (главных компонент). Речь здесь идет, по существу, о выделяемых в этой технике основных факторах (здесь - «линии наиболее значительных расколов»), факторных весах (factor loadings, здесь - «общности и расколы») и факторных значениях (factor scores, здесь - «проявления типа голосования»), заново переоткрытых в несовершенном и упрощенном виде. Такая техника неоднократно применялась в том числе для анализа внутренней электоральной дифференциации регионов: например, еще в 1990-е годы - Е.А. Ханом для Крыма, А.А. Иудиным и др. для Нижегородской области; близкую по смыслу технику использовали К.Э. Аксенов и А.С. Михайлов для Санкт-Петербурга.

6.3 Проблема, описанная в первой главе: выяснить, насколько хорошо четыре конкурирующих теории подходят для объяснения интересующего массива данных, представляет из себя типичную «вводную» для анализа методом линейной регрессии (пример см. в названной выше статье Г.В. Голосова). Таким методом можно было бы оценить влияние интересующих автора факторов (в частности, фактора расстояния от областного центра), чего в представленной работе практически не получилось.

6.4 В примененном в работе корреляционном анализе сомнительным с точки зрения техники выглядит решение диссертанта считать значимыми только корреляции со значением 0,7 и выше (стр. 55). Метод корреляции Пирсона предполагает, что вопрос о значимости/незначимости полученных коэффициентов решается не субъективным усмотрением, а расчетом (или готовой таблицей) критических значений, которые зависят от длины сравниваемых статистических рядов (количества степеней свободы) и требуемого уровня значимости (доверительного интервала). Для случая Калининградской области (24 территориальных комиссии) и уровня значимости 0,01 (доверительный интервал 99%) критическое значение коэффициента корреляции составляет 0,45. В содержательном плане разница между расчетным критическим значением (0,45) и субъективно выбранном порогом (0,7) оказывается существенно важной для интерпретации расчетов «структурной динамики» в параграфе 3.3. В частности, автор характеризует динамику партии «Справедливая Россия» как «нестабильную» (стр. 84), при том, что статистически значимы 4 из 6 рассчитанных для нее коэффициента корреляции; или там же автор утверждает, что география поддержки партии «Патриоты России» в 2016 году «существенно изменилась» по сравнению с 2011 годом, однако коэффициент корреляции между этими датами также значимый (0,49).

6.5 В некоторых случаях, когда использование корреляционного анализа было бы совершенно уместным, автор, наоборот, отказывается от него в пользу методов менее строгих, с меньшей доказательной силой: зрительного сравнения карт или просто предположений на уровне здравого смысла. Так происходит, например, с предположением, что дифференциация голосования за Аграрную партию (АПР) и Партию пенсионеров (РПП) связана с географией проживания, соответственно, аграриев и пенсионеров (стр. 63); или с тезисом о зависимости уровня поддержки радикально-модернистских партий от фактора близости к областному центру (с. 93-95).

7. В «основных положениях, выносимых на защиту» (стр. 7-8 автореферата), по крайней мере два утверждения никак не подтверждены проведенным анализом:

- заявление о том, что слабая территориальная дифференциация голосования за ЛДПР связана с «иррациональностью голосования» за эту партии (в тезисе 2), в тексте подтверждается лишь экспертным мнением одного из цитируемых авторов (стр. 71), что явно недостаточно;

- утверждение, что Калининградская область является «единственным регионом России, в котором фиксируется высокий уровень радикально-модернистского голосования в сельской местности» (тезис 6), может быть обосновано только сравнением с электоральными предпочтениями сельских районов всех остальных субъектов федерации, чего в диссертации сделано не было.

Оба тезиса явно не главные, скорее маргинальные, для общей логики исследования, но при формулировке положений на защиту надо быть аккуратнее.

8. В авторской терминологии мне кажется неудачным использование по крайней мере двух ключевых понятий, «раскол» и «районирование»:

- термин «раскол» автор применяет для обозначения географических контрастов в поддержке различных партий, выявляемых с помощью корреляционного анализа. Двусмысленность такого названия связана с тем, что в существующей литературе, как справедливо пишет сам автор (с. 14-15), понятие раскола или размежевания (cleavage) связывается с социальными противоречиями, находящими выражение в политике – то есть, что важно, с содержательным (социальным, политическим) наполнением территориальных различий;

- термин «районирование» автор часто использует применительно к географической дифференциации поддержки отдельных партий/кандидатов, напр.: «электоральное районирование В.В. Путина и Д.А. Медведева в Калининградской области обладает высокой стабильностью» (с. 65). Неудобство такого использования

в том, что в отечественной традиции (как и в немецкой, французской и американской) понятие «районирования» относится прежде всего к выделению комплексных районов (регионов). Операцию, которую автор производит по отношению к отдельным партиям, нельзя назвать даже «однородным районированием», потому что районы поддержки не выделяются, оценивается только общий градиент (районы в смысле однородного районирования выделены только для укрупненных «типов» партийного голосования).

В обоих случаях, на мой взгляд, лучше было бы использовать другие, менее теоретически нагруженные, понятия, например, «контрасты» и «дифференциация».

В целом представленная диссертация, при всех замечаниях к ней, выполнена на уровне, сопоставимом с большинством других ранее выполненных квалификационных работ по сходной тематике. Представленный текст:

- является самостоятельной научно-квалификационной работой, выполненной на материале индивидуального исследования, и носит законченный характер;
- соответствует профилю выбранной специальности «Экономическая, социальная, политическая и рекреационная география» (25.00.24);
- отвечает требованиям Положения о присуждении ученых степеней (утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842), в том числе в части научно-методического уровня и практической значимости. Автор диссертации Михаил Игоревич Кришталь заслуживает присуждения ученой степени кандидата географических наук по специальности 25.00.24 – Экономическая, социальная, политическая и рекреационная география.

Титков Алексей Сергеевич

Кандидат географических наук (25.00.24 Экономическая, социальная и политическая география)

Доцент философско-социологического факультета, Институт общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС) 119571, г. Москва, проспект Вернадского, 82, стр.1

Телефон: + 7 (499) 956-0519

Эл. почта: titkov-a@ranepa.ru

<http://persons.ranepa.ru/profile/1018>

